

АМИН АЛАЕВ

Кыргызстан – Канада

Анвар Амангулов (творческий псевдоним Амин Алаев) – канадский автор киргизского происхождения. Публиковался в российских литературных журналах «Дарьял», DARKER (журнал ужасов и мистики), «Союз Писателей» и в журналах «Литературный Кыргызстан» (на русском языке) и «Ала-Тоо» (на кыргызском языке). Родился и вырос в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил механико-математический факультет Новосибирского Государственного университета (Новосибирск, Россия) и отделение информатики CDI College of Business and Technology (Барнаби, Канада). Ныне живёт в городе Ванкувер (Британская Колумбия, Канада), где работает разработчиком программного обеспечения. Увлекается бегом на длинные дистанции и литературным творчеством.

Джонни

Рассказ

*Много рыскающая лисица
обязательно попадет в руки.
(киргизская пословица)*

Кто-то исступленно пробибикал где-то в конце этой длинной вереницы машин. По выжженному полю вдоль дороги с жалостным блеянием просеменила небольшая отара баранов грязно-желтого цвета. Брианна приоткрыла пыльное окно старой «восьмерки» с обшарпанным бампером и вопросительно посмотрела поверх очков на Мухтара.

– Байке сказал, что у нас проблема, – сказал он, протягивая ей стопку бумаг.

Брианна продолжала вопросительно смотреть на него, ожидая объяснений. Мухтар покачал головой и криво ухмыльнулся так, как будто бы он ожидал именно такого поворота событий.

– Он сказал, что таможенный бланк у нас старого образца и принять он его не может.

Она тоже не смогла сдержать усмешку. Сняв очки, Брианна стала протирать запотевшие и пыльные стекла полкой своей рубашки навывпуск. Вновь раздалось яростное бибиканье в конце очереди.

– Пойду ещё раз попробую, – сказал Мухтар и пошел к окошку.

Мимо машины неторопливо прошли усталого вида женщины с разноцветными баулами. Одна из них тянула на поводу тощую корову. Брианна вытерла пот со лба и поправила заколку в волосах. Солнце пекло по-августовски яростно, и большое скопление стоящих в очереди машин с включенными моторами только подбавляло жару. Она надвинула на глаза солнцезащитные очки и со скрипом откинула назад сидение. Ей хотелось мощного ливня. Такого, какие бывают в Сиэтле поздней осенью.

Через несколько минут Мухтар вернулся. По улыбке на его лице она поняла, что ритуал общения с пограничниками не поменялся, несмотря на смену власти по ту сторону границы.

– Байке сказал, что совершенно случайно у него есть новый бланк. Но теперь они, оказывается, платные, и он уже его кому-то обещал, а новую партию должны завезти только во вторник ...

Брианна мысленно прикидывала цену вопроса, слушая Мухтара.

Слегка прищурив глаза, она перебрала в памяти весь свой предыдущий опыт пересечения границ в этой части света и сказала:

– Скажи ему, что у нас на это есть только двадцать долларов.

Мухтар, вновь криво ухмыльнувшись, отправился на очередной раунд переговоров.

Брианна Мак Элпайн вот уже в седьмой раз приезжала в Кыргызстан, и всегда с одной и той же целью. Будучи специалистом в этнографии и одновременно тюркологом, она собирала материал для книги о кочевых народностях Средней Азии, параллельно создавая материалы для одного почтенного журнала. То есть, правильнее сказать, о тех народностях, которые были кочевыми в недавнем прошлом, поскольку найти реальных кочевников даже в ледяном аду Центрального Тянь-Шаня не представлялось возможным даже с грантами Американского Географического Общества. В этот раз ее визит был особенным, и она не планировала задерживаться в Кыргызстане больше, чем на несколько дней. Путь ее лежал на юг – сначала в Ош, а потом через таджикский Бадахшан в тот узкий рукав афганской территории, который назывался Ваханским коридором. Брианна имела очень смутное представление о том, что там ее могло ждать, но судя по рассказам коллеги-журналиста, прошедшего там предыдущую зиму, более интересного места для эксперта по кочевой культуре в этом мире было не найти. Мухтар не возвращался. Она вышла из машины и, со скрежетом захлопнув дверь с облупленной краской, неторопливо потопала по пыльной дороге к пограничному окошку. Где-то неподалеку начал истошно вопить ишак. Приблизившись к грязному строению, она увидела Мухтара, что-то интенсивно обсуждающего с пухлым офицером в форме, выглядящим немного комичным сквозь толстое мутное стекло.

– Ну как? – спросила она, тронув Мухтара за плечо.

– Байке вот всё приготовил, готов уже печать ставить, но вдруг вот оказывается, что двадцать баксов вопрос не решат, – Мухтар от негодования путался в английском синтаксисе, поставив глагол по-тюркски в конце предложения.

– Сколько же решат? – спросила Брианна. Именно такого развития событий она и ожидала.

Пограничник начал что-то оживленно говорить, размахивая бланками и большой круглой печатью перед носом Мухтара, и, прежде чем тот перевел Брианне суть сказанного, она вытащила три купюры по пять долларов, и сама сунула их в окошко.

– Азыр отуз беш¹, – сказала она, мягко, по-английски, произнеся жесткую киргизскую «р». Несколько мгновений и офицер, и Мухтар изумленно глядели на Брианну. Пограничник накрыл деньги картонной папкой, со смачным звуком шлепнул печать на бланке и протянул его Мухтару. Тот молча кивнул и передал бланк Брианне. Та едва заметно улыбнулась и сунула его в задний карман потертых джинсов.

Ее радовало, что ее понимание киргизского улучшалось с каждым приездом. В этот раз это было особенно важно – на афганском Памире, по рассказам многих, никто не говорил ни по-английски, ни даже по-русски. Мухтар с третьего раза завел свою выдавшую виды «восьмерку» и проехал шлагбаум, облегченно вздохнув сразу после этого. Брианна усмехнулась и развернула потрепанную карту. Памир, окрашенный в ярко-оранжевую охру ввиду своей убийственной высоты над уровнем моря, казался нервным сгустком посреди огромных горных систем Центральной Азии, хаотично расползающихся в разные стороны. Она внимательно разглядывала эту «Крышу Мира», как ещё его называли, понимая, что жгучий интерес и страх в ней смешивались в одно странное состояние, когда бежать и оставаться на месте хотелось одновременно.

Из конца очереди вновь раздалось остервенелое бибиканье, слегка угасающее и перекрываемое ревом мотора старой мухтаровской машины.

¹ «Теперь тридцать пять» (кирг.)

С момента последнего привала прошло уже больше трёх часов. Ветер усиливался, но, несмотря на пронизывающий холод, Брианну он беспокоил куда меньше, чем потертости на бедрах. Она и не догадывалась, насколько ей станет ненавистна езда верхом, особенно с учетом того, что в детстве она проводила много времени на ранчо своего деда в Техасе, где передвигалась почти что исключительно верхом на тех коренастых ковбойских лошадаках, что в Америке называют *Quarter Horse*. Киргизские лошади были куда более невзрачны и меньше по размеру, но тут, в суровых горах Центральной Азии, в них ценили совсем не внешний вид. Выносливость при переходах по крутым, часто едва заметным, каменистым тропам при почти постоянном ветре – вот что требовалось от этих приземистых, всегда однородно тёмных лошадей с короткой гривой и неприветливым норовом. Третий день пути верхом с Мухтаром и двумя проводниками, которых Мухтар отыскал где-то в Узгене, казалось, совершенно не утомляли вороного мерина, на котором ехала Брианна. В то же самое время внутренняя поверхность ее бёдер от этой езды превратилась в одну большую мозоль, которая не давала ей покоя и заставляла ругать саму себя за то, что она не захватила с собой хоть какую-нибудь мазь для кожи.

Был конец августа, но тут, высоко на горных тропах, было довольно холодно даже днем, а ночью она куталась в свой спальный мешок так, как если бы уже была зима – не снимая носков и свитера. Был третий день пути, и две ночи, проведенные в палатке, казалось, готовили ее к тому, что ее ожидало в конце этого длинного верхового перехода. В первую ночь ее разбудила потусторонне вопящая сова где-то совсем недалеко от места ночевки; во вторую она почти не спала из-за непрекращающегося воя волков. Их вой иногда сливался со звуками порывов ветра, делая силуэт пламени от костра сквозь ткань палатки особенно жутким. Киргизы-проводники и Мухтар всю ночь поддерживали костер, уходя спать по очереди, но, судя по опухшим лицам утром следующего дня, близость волков беспокоила их ничуть не меньше, чем Брианну.

Она стала вести дневник, как только они покинули Ош. Вначале ей хотелось всё быстро набирать на своем айпэде, но оказалось, что переходник для сети был забыт в Бишкеке, и айпэд разрядился ещё до того, как они выдвинулись в путь из последнего предгорного аила далеко к югу от Оша. Брианна стала писать от руки в большом блокноте, который был специально куплен для этих целей перед отлетом из Сиэтла. Проснувшись утром после второй ночевки в горах, она поморщилась от боли в потертостях на бедрах, пока вылезала из спальника, размяла пальцы и сделала очередную запись.

«28 августа: Ночь была беспокойной, страшно выли волки. Старший из проводников сказал, что кочевье, к которому мы направляемся, уже не так далеко, и мы должны достичь его сегодня вечером. Ужасно хочется двойного эспresso, но на Памире нет Старбаксов. :) Кожа на бедрах распухла и в одном месте почти кровоточит».

Сейчас ей тоже хотелось двойного эспresso, и даже сильнее, чем утром. Горная тропа всё круче брала вверх, и ей приходилось всё крепче держаться за седло, чтобы не сползти вниз. Мерин уверенно шел вверх по тропе, не отставая от проводников на таких же, практически идентично черных лошадях. Один из киргизов, тот, что помоложе, негромко пел что-то крайне заунывное, покачиваясь в седле. Иногда из-под чьих-нибудь копыт вниз зловеще и всегда неожиданно сыпались камни, и Брианна всякий раз едва сдерживалась, чтобы не вскрикнуть от страха. Мухтар и две вьючные лошади замыкали процессию.

Ветер вдруг стал ослабевать, и прямо на них стал наползать густой серый туман. Казалось, что, идя вверх по этой дороге, они вошли в наползшее на гору

облако. Брианна не видела ничего дальше десяти метров, но, похоже, никого, кроме нее, это не смущало. Проводники по-прежнему неторопливо, но уверенно двигались вперед, а тот, что помоложе, по-прежнему напевал себе под нос свою тоскливую мелодию.

Вскоре тропа перестала виться вверх, и ещё полчаса они ехали сквозь туман почти что без подъёма; затем начался спуск, щекотавший и без того издёрганные нервы Брианны едва ли не сильнее, чем подъём. Туман рассеялся так же неожиданно, как и появился. Глядя по сторонам, она увидела большие, закрученные спиралью рога архара, лежащие в полуметре от тропы. Рога были выбелены чуть ли не до блеска ветрами и непогодой; никаких других костей рядом не было. Брианна поёжилась от этой зловещей сцены и вспомнила жуткий вой волков прошлой ночью. Молодой проводник перестал напевать и громко вскрикнул, показав камчой куда-то вдаль. Прищуриив глаза, она впилась взглядом в ту сторону, куда была направлена камча, и увидела несколько едва заметных серых столбиков дыма, курящихся в полукружии долины внизу. «Наконец-то!», – облегченно подумала она про себя и опять поморщилась от боли на бедрах.

Несмотря на долгий переход, они не стали делать привал, а продолжили двигаться в сторону дыма. На некоторое время дым исчез из-за того, что тропинка делала извилистую петлю вдоль подножия огромной скалы, в некоторых местах почти что отполированной и идеально вертикальной, словно крепостная стена. Брианна заметила на скале странные рисунки, тронутые временем, и некоторое время силилась вспомнить, где она уже видела нечто подобное. Одновременно с усиливающимся ветром начинали сгущаться сумерки. А ещё через час они въехали в узкую долину, по центру которой текла небольшая речушка. Вдоль реки стояло несколько юрт из грязно-серого войлока; тут же был загон для овец и высокие, в человеческий рост, аккуратно сложенные пирамиды из кизяка. В загоне, словно гигантское желто-черное желе, в одну блеющую массу сгрудились согнанные туда на ночь бараны. На склоне неподалеку паслись лошади, как будто бы клонированные с той, на которой, изнемогая от боли, ехала верхом Брианна. А в середине, между лошадьми и юртами, величественно возлежал огромных размеров двугорбый верблюд.

Несколько всадников рысью мчались к ним со стороны юрт, с каждой минутой становясь всё ближе. Послышался собачий лай. Старший проводник, обернувшись, дал понять, что все должны остановиться. Брианна почувствовала учащенное сердцебиение и пот на ладонях, забыв об усталости и боли от мозолей на ногах; неизвестность казалось очень интересной, ещё немного и она сможет прикоснуться к жизни этих людей, волею судеб застрявших в Средневековье, но этим-то и крайне ценных для ее исследований. Всадники перешли с рыси на шаг и вскоре можно было различить их волчьи малахаи и темные, выдубленные ветром и горным солнцем лица. Старший проводник степенно их поприветствовал, и начался диалог, продолжавшийся несколько минут. После этого он обернулся и показал, что можно ехать. Мухтар поравнялся с Брианной и радостно сказал вполголоса:

– Всё в порядке. Баяндир ждет нас.

* * *

В по-настоящему кочевой жизни прошлого понятия границ и расстояний, вероятно, настолько же эфемерны, насколько и черные дыры в астрофизике – вроде бы они есть, и даже не только теоретически, но мало кто серьезно ими интересуется. Возможно, этим обусловлен феномен близости и взаимного понимания различных тюркских языков, от уйгурского на крайнем востоке, до турецкого на крайнем западе. Киргизы, как и многие другие тюркские номады, веками кочевали по просторам Центральной Азии от Алтая до Памира. Ввиду совершенно уникального стечения истори-

ческих обстоятельств, в конце двадцатого века они получили свое собственное государство, в котором эта кочевая жизнь сменилась той, что принято называть современной. Удел памирских киргизов был иным. Лихие набеги на караваны, идущие по знаменитому Шелковому Пути, сменились чуть более мирной пасторальностью к восемнадцатому веку. Памирское высокогорье было для них тогда летним пастбищем, куда киргизы отгоняли скот для выпаса; зиму же они проводили в теплых долинах. Стратегическое противостояние двух империй, Российской и Британской, сыграло злую шутку с их кочевым ареалом. Для того, чтобы избежать общей границы между российским Туркестаном и британской Индией, из Афганистана «вытянули» узкий коридор, буфером проходящий между этими двумя уже давно ушедшими в историю империями. К пятидесятым годам двадцатого века границы были наглухо задраены, заперев тем самым памирских киргизов в афганском высокогорье. С тех самых пор суровые памирские зимы стали для них удручающей реальностью, и кочевать они теперь могли лишь вдоль памирского высокогорья Ваханского коридора.

Брианну разместили в одной из юрт, расположенных в центре кочевья. Было почти темно, когда ее привели в эту юрту, в которой жили супруги лет сорока, их дочь, девочка пятнадцати лет, и ещё одна дочка, которой было четыре годика. Мухтар и киргизы-проводники попрощались и отправились куда-то к окраине кочевья вместе с джигитами, которые их встретили. Хозяйка вскипятила чайник и разложила на дастархане боорсоки, каймак и немного изюма. При тусклом свете керосинки они пытались общаться, как могли, дополняя речь жестами, и с плохо скрываемым любопытством разглядывали друг друга. Хозяина юрты, степенного и медлительного мужчину, звали Асхат, его жену, удивительно расторопную женщину с разбитыми от работы руками, Разия. Дети уже спали.

– Твоя юрта далеко? – спросил ее хозяин после третьей пиалы.

– Два перелета. На самолете. Семь и одиннадцать часов, – ответила она, сясь подобрать подходящее слово для «самолета».

Асхат с непониманием смотрел на нее; после нескольких уточнений, стало очевидным, что русское «самолет» и турецкое «учак» одинаково плохо воспринимались в этой юрте. Английское «эйрплэйн» также не прояснило картину.

Разия показала ей место, где был расстелен яркий ширдак. Брианна развернула свой спальник и влезла в него в одежде, сняв лишь обувь и куртку. В юрте было тепло; запах кизяка, которым топилась ржавая «буржуйка», перемешивался с кислым ароматом чего-то молочного. Ей стало невероятно спокойно – волки и холод были там, снаружи, а тут было тепло, и рядом – приветливые, хоть и почти не понимающие ее киргизы. Она поняла, насколько устала, и даже боль в бедрах ее не беспокоила так, как в прошлые ночи. Через минуту она погрузилась в глубокий сон, пока хозяева юрты всё ещё пили чай и что-то тихо, но оживленно обсуждали.

Утром ее разбудил задорный детский смех. Маленькая дочка Асхата и Разии то приближалась к ней, то со смехом отбегала в дальнюю часть юрты. Брианна заметила браслет на ее маленькой ножке и большую сережку в одном ушке. Девочка выглядела бы совершенно как мальчик, если бы не замысловато заплетенная коса. Притворившись, что ещё спит, она дождалась, пока та вновь приблизится и, резко открыв глаза, шутливо зарычала, оскалив зубы. Девочка вновь со смехом отбежала. В этот момент в юрту вошла покрасневшая от утреннего морозца Разия и что-то строго сказала ребенку. Та, надув губки, перестала бегать по жилищу. Брианна вылезла из спальника и потянулась. Выходя из юрты, она вытащила из кармана куртки шоколадный батончик и дала его девочке.

Большое количество детей и женщин словно ждали ее выхода наружу, стоя полукругом перед незатейливой и кое-где потрескавшейся дверью в юрту. Она слегка опешила от десятков пыливо сверлящих ее глаз. Кое-кто оживленно переговаривался, кто-то хихикал. Ночью были первые заморозки, и дверь снаружи была покрыта

инеем. Из рта шел пар. Отроги вокруг долины были словно присыпаны сахарной пудрой. «Как Бэйкер¹», – мелькнуло у ней, пока она лихорадочно вспоминала, какое из известных ей киргизских приветствий было бы уместно употребить в этой странной ситуации. Лошади на склонах выглядели как маковые зерна на глазурном круасане. Огромный бактриан с заиндедевскими макушками горбов по-прежнему лежал на своем месте. Прежде чем она решилась что-то сказать, толпа расступилась, пропустив к юрте пожилого аксакала в окружении нескольких джигитов. Мухтар тоже был с ними. Приблизившись к ней, аксакал что-то важно сказал и показал на рослого парня с обветренными скулами и длинным рваным шрамом на щеке, стоящего справа от него. Мухтар быстро перевел:

– Баяндир приветствует тебя в своем кочевье и надеется, что тебе у них понравится. Мистер Солсбери говорил о том, что ты, возможно, приедешь к ним ещё два года назад. Барлас будет оказывать тебе поддержку и покажет всё вокруг, все вопросы к нему, – Мухтар показал на парня.

Брианна сначала протянула руку, но, вовремя спохватившись, отдернула ее и вместо этого учтиво поклонилась. Мухтар тихо шепнул ей на ухо:

– Это хан ваханских киргизов. Можно вытаскивать.

Она кивнула и извлекла из-за пазухи новенькую пару теплых перчаток камуфляжной расцветки и свернутую пачку пятидолларовых купюр. Баяндир приказал кому-то взять деньги, но перчатки взял сам и с одобрением их пощупал и рассмотрел.

– Джакшы, алтынчач, абдан джакшы²! – сказал он после этого, ещё раз показав на парня со шрамом.

После этого он развернулся и пошел к реке. Джигиты последовали за ним. Женщины и дети стали громко щебетать, смеяться и показывать на Брианну. Та непонимающе улыбалась в ответ, вопросительно глядя на оставшегося у юрты Мухтара. Тот тоже улыбнулся.

– Ну вот и все, теперь ты у них алтынчач, златовласка, – сказал он.

Брианна понимающе кивнула. Было очевидным, что никто и никогда в кочевье хана Баяндира ещё не видел блондинов.

* * *

«16 сентября: Сурчиный жир совершенно уникальное лекарство. Разия дала мне его для растирания мозолей на бедрах и через два дня я опять была в седле без какой-либо боли. Барлас и я потихоньку находим общий язык, однако лазить в словарь приходится довольно часто. Понемногу привыкаю к кумысу, который тут пьют так же часто, как и чай. Вчера мы помогали выгонять на выпас яков. Скоро перекочевка».

Брианна дописала предложение в своем журнале и сделала честную попытку допить большую кесушку кумыса, которую ей налила Разия. Кумыс был противно кислым и густым почти как жидкий однопроцентный йогурт, который она часто покупала у себя в Сиэтле. Допив его, она поблагодарила хозяйку и стала рыться в рюкзаке в надежде найти запасную флэш-карту для фотоаппарата. Как только она ее отыскала, в юрту постучался и сразу же зашел Барлас.

– Алтынчач, готова? Лошади ждут.

– Иду.

Брианна застегнула куртку и быстро вышла из юрты, помахав рукой Разие и её дочерям; они все вместе разделявали мясо зарезанного утром барана, собираясь что-то готовить. А через несколько минут они с Барласом на лошадях легкой рысью уже семенили к ближайшему ущелью.

¹ Гора Бэйкер (Mount Baker) – гора в северной части штата Вашингтон, видимая из Ванкувера и Сиэтла и круглый год покрытая снегом.

² «Хорошо, Золотой Волос, очень хорошо!» (кирг.)

Барлас со всей ответственностью подошел к поручению, данному ему Баянди-ром. Брианна была вторым человеком не из кочевья, которого он когда-либо видел. То есть, конечно же, он видел тех торговцев-пуштунов, что приезжали к Баяндиру несколько раз в год, и таджиков из ближайшего кишлака, куда он с ханом ездил несколько раз в год, но они были не в счет. Два года назад к ним приезжал мистер Солсбери, который прожил у них два месяца, постоянно что-то записывая. А теперь вот Брианна. И он, и она были совершенно не похожи на обычных горцев Памира, они казались Барласу почти что сказочными существами из легенд, которые долгими зимними вечерами, бывало, рассказывала старая Каныкей-апа, приехавшими из сказочной страны Америки, где люди не пьют кумыса и не разводят яков, но зато имеют всё, что захотят. «Алтынчач-пери¹», называл он ее про себя, с трудом привыкая к факту, что Брианна была высокой сероглазой блондинкой.

Сегодня он обещал показать ей архаров. Брианна много слышала о легендарных архарах Марко Поло с их гигантскими спиральными рогами, названных в честь знаменитого итальянского путешественника, и надеялась их увидеть воочию тут, на Памире. Барлас уверенно вел ее туда, где, по его рассказам, можно было увидеть целое стадо, и она надеялась сделать фотографии этих легендарных копытных. Когда дорога лежала вдоль небольшой долинки, они могли ехать бок о бок и разговаривать. Барлас был немногословен, но на все вопросы Брианны отвечал обстоятельно.

– Хан у вас дружелюбный, – пыталась она завязать диалог, – и лошадой у вас много...

Он с прищуром посмотрел на нее и растянул губы в улыбке. Его шрам свинцового от ветра цвета жутковато перекосялся на скуле.

– У хана свои причины быть дружелюбным с тобой. И с мистером Солсбери.

– Что за причины такие? – с интересом спросила она.

Барлас перестал улыбаться и неторопливо почесал камчой свой шрам, как бы обдумывая ответ. Потом ответил, тщательно выбирая слова.

– Баяндир бывал далеко от нашего кочевья. Два раза. Один раз хадж совершал. В другой раз в Турцию ездил. Хан считает, что мы сильно отстали от мира.

– Как отстали? – спросила Брианна с ещё большим интересом.

Барлас уже настороженно посмотрел на нее и, сделав паузу, ответил:

– Он говорит, что теперь в мире не умирают так часто, как у нас в кочевье. Особенно дети. Потому что у вас есть целители, знающие, как заговорить недуги. Он говорит, что теперь в мире все умеют писать и читать, а не только муллы, читающие Коран. Что едят не только мясо с топочами², но ещё и много чего другого, что растет на земле, как, например, лук, который нам привозят пуштуны. Так он говорит.

– Так отчего же хан дружелюбен? – спросила она, стараясь уловить нить его рассуждений.

Барлас вновь почесал камчой скулу и поправил слегка сползший набок малахай.

– Баяндир хочет, чтобы к нам в кочевье когда-нибудь приехал целитель из Америки. И учителя, чтобы детей учить читать. Ещё он хочет послать кого-нибудь в Америку, чтобы потом тот вернулся и сделал жизнь в кочевье лучше.

– Ты имеешь в виду, чтобы кто-нибудь поехал поучиться?

– Да. Но у вас не говорят по-киргизски и на фарси тоже не говорят. Надо сначала ваш язык поучить.

Брианна улыбнулась. Барлас был трогательно наивен в этом аспекте, как, вероятно, и сам хан Баяндир.

– Ну так хочешь я буду учить тебя английскому? Ты ведь меня учишь киргиз

¹ Пери – в мифологии народов Средней Азии, сказочное существо в виде красивой девушки, обычно умеющее летать и колдовать. В некоторых сюжетах пери могут вступать в брак с людьми и рожать от них детей.

²Токоч – разновидность киргизских хлебных лепешек.

скому! Знаешь вот, как лошадь будет? Очень просто – «хорс».

Барлас ухмыльнулся.

– Нет, это не для меня... Я в Америку не хочу.

– Почему же нет?

– Мне Кара Мухаммед, тот пуштун, что лук нам привозит, рассказывал, что в Америке не так хорошо, как Баяндир думает.

– Что ж там плохого?

Лицо Барласа стало серьезным, а глаза превратились в узкие щелочки от прищура. Волчий мех малахая, надвинутого на брови, изящно развевался на ветру прямо над его глазами.

– Он сказал, что свободы там нет. Нельзя сесть на лошадь и поехать на охоту просто так, как у нас. Нельзя юрту поставить там, где хочется. Много, сказал, чего нельзя. А я не могу без свободы. Мы, киргизы, все такие.

Сказав это, он пришпорил своего гнедого аргамака и перешел на рысь, оставив Брианну чуть позади. Она остановила свою лошадь и с легкой улыбкой на лице стала что-то быстро записывать в своей тетради озябшими от ветра и трудно гнущимися пальцами. Барлас продолжал скакать вдоль долинки в сторону большой скалы, у которой река делала изгиб. Записав все, что хотела, Брианна двинулась за ним.

Она нагнала его у этого изгиба. Барлас приложил палец к губам, давая понять, что надо быть тише и показал камчой на скалу, что почти аркой свешивалась над речным поворотом. Они осторожно приблизились к ней. Брианна подняла голову и едва не ахнула – на скале стояло целое семейство архаров. Крупный самец с большими витыми рогами был в центре, по бокам от него стояли безрогие самки меньшего размера и молодняк. Серое небо над архарами и бурая, почти темно-красная скала, на которой они стояли, делали всю картину удивительно живописной. Она лихорадочно полезла в свой рюкзак, стараясь не делать резких движений, но вскоре поняла, что снять его со спины и вытащить находящуюся там камеру невозможно без угрозы спугнуть животных. Плюнув и выругавшись сквозь зубы, она как можно незаметнее достала из кармана айфон и, сняв одну перчатку, стала нервно делать фотографии на него окоченевшей ладонью. Снятая перчатка упала на землю, и это почему-то испугнуло ее лошадь, которая начала пятиться и громко фыркать. Почувшие резкое движение где-то внизу архары моментально и бесшумно исчезли.

Брианна спешила и, сунув перчатку в карман, стала листать на айфоне сделанные фотографии. Из них парочка получилась совсем неплохо. Барлас с диким интересом смотрел на ее манипуляции с айфоном, свесившись с седла, а когда она простым движением пальцев увеличила изображение архара, просто раздвинув его на дисплее, интерес на его лице сменился шоком. У нее не осталось сомнений, что ее айфон был первым в кочевье Баяндира. Улыбнувшись, она поднесла айфон поближе к нему, заставив его пятиться от неожиданности. Но уже через минуту Барлас увлеченно двигал своими жесткими, как наждачная бумага, пальцами по дисплею, имитируя то, что делала Брианна, и с удовольствием причмокивая. Подождав, пока он рассмотрит все фотографии, она дала понять, что пора бы уже заканчивать и нажала на единственную кнопку айфона, закрыв приложение для картинок. На дисплее появился портрет, который она всегда держала на нем в качестве виртуальных обоев. Барлас внимательно рассмотрел его и, не отводя глаз, спросил:

– Бу ким¹?

Брианна улыбнулась.

– Это мой муж, Джонни, – ответила она, с теплотой посмотрев на портрет лысеющего мужчины лет сорока с доброй, усталой улыбкой во весь рот.

– Киргиз?

Она едва сдержала смех.

¹ «Кто это?» (кирг.)

– Нет. У него папа ирландец, а мама китаянка. Это довольно типично для Ситла.

Где-то высоко наверху грозно пророкотало. Начался дождь. Упавшие на айфон капли нелепо исказили лицо Джонни, вытянув ему рот и сдвинув вбок глаза. Она сунула айфон в карман, взобралась на лошадь, и они быстро поскакали обратно.

* * *

«1 октября: Супружеская пара из самой ближней к реке юрты, Малдыбай и Суюнбике, похоронили вчера младенца. Ребенок прожил всего неделю. Скорбь висит в воздухе, но никто не видит в этом особенного трагизма; из шестерых их детей двое умерли в младенчестве, один в пятилетнем возрасте. Трое других живы и здоровы, старшему уже тринадцать. В этом высокогорном кочевье естественный отбор по Дарвину – не теория в университете, а регулярная и часто жестокая реальность...»

Брианна уже больше месяца жила в кочевье Баяндира, но практически каждый день открывал для нее неизвестные ей особенности жизни этих номадов, волею судеб оставшихся в далеком прошлом истории. Детская смертность у баяндирировского клана была совершенно немыслимой для двадцать первого века, но сами киргизы относились к этому как к данности, с которой просто надо было сосуществовать. Барлас, ставший более общительным, часто объяснял ей разные нюансы жизни памирцев. От него она узнала как-то утром, пока он подкармливал яков, что маленькая дочка Асхата и Разии на самом деле не девочка, а мальчик.

– У них дочка старшая, ты ее знаешь, а потом были три мальчика, которые все умерли в раннем возрасте. Когда Аллах опять послал им мальчика, ему в первый же день ухо прокололи и повесили серьгу как девочке. Волосы выросли – косу заплели. Теперь вот одевают как девочку.

К концу Барлас почти перешел на шепот.

– Почему? – спросила удивленная Брианна.

– Чтобы Албарсты¹ и другие духи не думали, что она – мальчик. Так до суннета² будет. Только тихо об этом, – Барлас красноречиво приложил указательный палец к губам.

Брианна молча кивнула. В мировоззрении Барласа, да и всех, пожалуй, местных киргизов языческие представления о сверхъестественном каким-то непостижимым образом вполне мирно уживались с традиционным для тюркских народностей исламом. Помолчав немного, он вдруг пристально посмотрел на нее и загадочно спросил:

– А у тебя дети есть?

– Нет. Нет пока, – ответила она

– А ты детей любишь?

Брианна с улыбкой взглянула на него и ответила:

– Конечно, люблю.

Он почему-то сконфузился и зарделся. Шрам его в этот момент стал багровым. Ничего не сказав, он высыпал в корыто остаток сена, взял лежащее на земле седло и направился к фыркающим неподалеку лошадям.

Вечером Мухтар, живший в юрте Баяндира, принес интересную новость: завтра хан с джигитами едет в таджикский кишлак к западу от кочевья, чтобы купить соли для животных. Они не против взять с собой Брианну. Но дорога длинная, два дня туда, день там и два дня обратно. Ночевка в дороге будет не в палатках, а в какой-то огромной пещере в скалах, в которой можно спокойно переночевать, не боясь волков, тем более, что людей будет много. Перспектива ночевки в пещере среди

¹ Албарсты – в поверьях киргизов злой демон в облике уродливой женщины, вредящий роженицам и новорожденным.

² Суннет – мусульманский обряд обрезания.

мужиков-горцев, смотрящих на многие вещи куда более незамысловато, чем университетская среда, к которой она привыкла, звучала пугающе, но шанс посмотреть на таджикский кишлак и понаблюдать за тем, как кочевники вступают в торговые контакты с оседлым персами, был слишком соблазнительным для неё, как для исследователя. Брианна сказала Мухтару, что поедет.

Ночью выпал снег. Едва рассвело, как Баяндир и ещё с дюжину молодцов, включая Барласа и Мухтара, выдвинулись в дорогу. Брианна в черных солнцезащитных очках и в натянутом капюшоне, семенила верхом рядом с Барласом. Взятые путниками с собой яки двигались весьма неторопливо, задавая тон всей процессии. Два больших волкодава с мехом цвета пыльного шафрана игриво бежали вдоль кавалькады, иногда барахтаясь мордами в снегу. На выходе у долинки тропа стала совсем узкой, и вся процессия вытянулась в цепочку с яками посередине.

За весь день они сделали два коротких привала и с наступлением сумерек приблизились к той самой пещере, где планировалась ночевка. Пещера и правда была большой и просторной, запросто могущей вместить в три раза больше народу, чем было в их торговом кортеже. Лошадей и яков привязали прямо под скалой у входа, чуть дальше развели огонь. Все знали, что надо делать, лишь пару раз Баяндир что-то говорил своим людям, показывая куда-то камчой. Они быстро перекусили вареным мясом и жесткими несвежими лепешками, которые поджаривали на костре, как тосты. Лепешки впитывали запах кизяка, но не становились от этого хуже. Кое-кто пил кумыс, но Барлас сделал чай, и Брианна с удовольствием выпила две пиалы.

Один из парней время от времени пристально смотрел на нее во время трапезы, и под его острым взглядом Брианна уже пожалела, что согласилась на эту поездку. Отблески костра освещали странные рисунки на стенах пещеры, похожие на те, что она видела на скалах, когда они только подъезжали к стойбищу Баяндирова с Мухтаром и проводниками. Глядя на них сейчас, она вспомнила, где она видела нечто подобное – несколько лет назад, когда они с Джонни путешествовали по штату Юта, она видела похожую на скальную живопись в одном из каньонов. В этот момент она почувствовала, что кто-то резко сорвал с нее очки.

Тот самый парень, что буравил ее взглядом, стоял рядом и с интересом рассматривал снятые с Брианны очки, трогая грязными пальцами с черными ногтями за стекла. Она на мгновение потеряла дар речи, но, взяв себя в руки, показала жестом, чтобы он их ей вернул. Парень, равнодушно посмотрев на нее, продолжал изучать ее очки, совершенно немилосердно сгибая дужки, которые уже начали хрустеть. Брианна беспомощно стояла перед ним, продолжая активно жестикулировать, но без какого-либо успеха.

Уходивший помочь с лошадьми Барлас вернулся в пещеру и несколько секунд недоуменно наблюдал за сценой. После чего, четко поняв, что происходит, что-то резко сказал на киргизском парню. Тот цыкнул в ответ и повернулся к нему спиной. Глаза Барласа сузились, ноздри вдруг стали свирепо раздуваться и шрам, бегущий по щеке, вновь стал багровым. Не говоря больше ни слова, он схватил парня за воротник овечьего тулупа и, мощно отбросив к стене, прижал левой рукой свою камчу к горлу парня, а другой рукой очень ловко вытащил нож с широким лезвием и поднес его к носу уже трясущегося от страха джигита. Парень протянул руку с очками Брианне. Она взяла очки, быстро надела их и заплетающимся от волнения языком, коверкая киргизские слова, попросила Барласа убрать нож. Пламя костра почти что отражалось в шраме Барласа, чьи ноздри продолжали гневно раздуваться. Кто-то крикнул что-то с другого конца пещеры. Он медленно убрал нож и ослабил давление камчи у горла. Джигит, почувствовав, что опасность миновала, резко отскочил от стены и выбежал наружу.

– Не бойся, он больше не будет тебя тревожить, – сказал он ей Барлас, убирая нож.

В течении часа все постепенно уgomонились. Брианна нашла удобную расcелину между камней и расстелила свой мат. Не раздеваясь, влезла в спальник, изо всех сил надеясь, что ничего подобного не будет происходить ночью. В пещере пахло кизячным дымом, кумысом и мокрой шерстью животных. Было влажно и тепло. Иногда негромко ржали лошади. Изредка лаяли волкодавы. Кое-кто всё ещё негромко разговаривал. «Хорошо, что Барлас рядом был...», – подумала она и погрузилась в беспокойный сон.

Утром Брианна проснулась от недовольного мычания яков. Пытаясь приподняться, она почувствовала, что сверху на ней лежит что-то лишнее и тут же поняла, что чем-то укрыта. Щуря глаза от врывающегося в пещеру яркого утреннего света, усиленного отражением от снежного покрова, она увидела Барласа, всё ещё спящего, облокотившегося на огромный валун прямо под рисунками на стене. Он был в одном чепкене¹; его просторный волчий тон¹ лежал на Брианне, укрывая ее с ног до головы. Она улыбнулась и потянулась к своему рюкзаку, лежащему неподалеку.

Весь день они медленно двигались по снегу на запад, и когда Баяндир объявил о последней остановке перед кишлаком, стало понятно, почему киргизы называли его Эски Джумуртка². С вершины горы, на которой они делали привал, открывался довольно живописный вид на небольшую долину внизу, в самом центре которой расположился этот кишлак. Его строения вытягивались в форму овала с неровными сторонами, и издали он действительно напоминал сваренное вкрутую яйцо с трескавшейся скорлупой.

Сами таджики называли свой кишлак Намак, что означало «соль» на фарси; название было обусловлено тем, что в горах неподалеку были крупные залежи каменной соли, которую жители кишлака добывали и продавали, в том числе и ваханским киргизам.

Когда они въехали в кишлак, Брианна сразу заметила большую разницу как во внешнем виде, так и в манере одеваться между киргизами и жителями этого горного села. Весь кишлак был застроен небольшими одноэтажными мазанками, юрт нигде не было. Вывалившая на улицу толпа местных жителей с интересом наблюдала за процессией, с особенным удивлением пялясь на столь резко контрастировавшую с кочевниками Брианну. Пожилой мужчина в традиционном для афганцев головном уборе важно вышел навстречу из толпы и уважительно поприветствовал Баяндира. Тот спешился. Пожав друг другу руки, они начали оживленно общаться на смеси киргизского и фарси.

Оглядываясь вокруг, Брианна заметила, что на доме в боковом переулке что-то написано и похоже было, что английскими буквами. Показав жестами Барласу, что она хочет посмотреть, что там такое, она спешила и, ведя за собой лошадь, пошла в сторону этого дома. Барлас верхом последовал за ней. Пройдя несколько метров, она радостно вскрикнула и едва не побежала к этому дому, испугав привязанного неподалеку ишака. На этой старой саманной мазанке во всю высоту стены было коряво выведено выцветшей краской: «INTERNET». Барлас недоуменно наблюдал за происходящим, косясь на большую тарелку спутниковой антенны, совершенно не к месту прилепившейся на крыше этого дома.

Хозяин дома, молодой афганец с рудиментарным английским, предложил им чаю. Через несколько минут Брианна подключилась к сети своим айфоном, одновременно поставив его на подзарядку. «Спит ещё, наверное...», – подумала она, ткнув пальцем в иконку Скайпа. Наполнивший дом звук скайповских гудков заставил Барласа насторожиться. Он с тревогой смотрел на улыбающуюся Брианну. Хозяин же дома оставался совершенно невозмутимым, что конфузило Барласа ещё больше. Через пару минут гудки сменились странным скрежетом.

– Привет, проснулся уже? – она радостно смотрела на заспанное лицо Джонни,

¹ Чепкен, тон – разновидности мужской верхней одежды у киргизов.

² Эски Джумуртка – Старое Яйцо (кирг.).

состоящее из мелких, неровных, раздражающе двигающихся квадратиков из-за неважного качества связи.

– Привет, привет... Как там на Крыше Мира?

Джонни выглядел заспанным и небритым, его большая лысина на макушке ярко отражала свет включенной в их спальне лампы. Он был одет в старую выцветшую майку с надписью «Голосуйте за Керри¹!», которую Брианна привезла ему давным-давно из Нью Йорка ради хохмы, зная, что Джонни закоренелый республиканец. Послышался собачий лай, и на колени к Джонни радостно запрыгнул Шопенгауэр, или просто Шоппи, их серый мопс, взятый Брианной из собачьего приюта несколько лет назад.

– Тут холодно, уже снег везде. А ветер такой, что лицо у меня теперь как наждачная бумага, всё обветрилось. Как там, в Сиэтле?

– Ничего, дожди...

Хозяин дома налил ей чаю и тактично вышел из комнаты. Барлас с нарастающим беспокойством и глубоким непониманием происходящего продолжал молча смотреть на Брианну с другого конца стола, за который их посадил афганец. Брианна радостно щебетала с супругом, только что проснувшимся на другом конце света, делаясь новостями и слушая его рассказы о том, что творится в далёком американском городе на берегу Тихого Океана.

– Ты знаешь, я уже не могу без кофе тут... Погоди, я сейчас тебе представлю Барласа. Хан Баяндир специально отрядил этого джигита, чтобы он мне во всём помогал.

Она жестами показала Барласу, чтобы тот подошел поближе к ней. Он продолжал беспокойно смотреть на нее, потом встал и неуверенно приблизился. Брианна, улыбаясь, повернула к нему дисплей айфона, и Джонни, увидев джигита, приветливо помахал ему рукой и поздоровался.

Гримаса ужаса перекосила лицо Барласа, и он с криком отпрыгнул назад, поскользнулся и упал, выронив из рук камчу. Поднявшись, он стал пятиться, не сводя взгляда, полного первобытного кошмара, с продолжающего ему махать Джонни на айфоне. Его побагровевший шрам казался длиннее, чем обычно, из-за отвисшей от страха и изумления челюсти. «Бисмиллах!», – тихо произнес он, уперевшись в стену, после чего стремительно выбежал из мазанки, с грохотом уронив по дороге стул.

Брианна, слегка оцепенев от произошедшего, повернула к себе айфон и продолжила диалог с мужем.

– Что-то не получилось у вас знакомства, – сказала она Джонни, растерянно улыбаясь.

– Бывает... – невозмутимо ответил тот.

Они пообщались ещё несколько минут. Она подождала, пока айфон зарядиться и заплатила хозяину. Даже тут, в диких горах Центральной Азии, все были рады наличным американским долларам. Чуть позже она узнала, что в этот день впервые за всю историю ваханских киргизов Баяндир расплатился с таджиками за соль не баранами, а долларами, которые она вручила ему при знакомстве.

* * *

«5 октября: Аксакал в таджикском кишлаке, где Баяндир и его люди купили соль, удивительно похож на Ахмад-Шах Масуда². Соль в мешках навьючили на яков, и поэтому дорога обратно стала ещё более неторопливой; яки и так двигаются неспешно, а уж навьюченные тем более. В кишлаке визуально страшная нищета – кир-

¹ Джон Керри – номинант на пост президента США от Демократической Партии на выборах 2004 года, впоследствии госсекретарь в кабинете Барака Обамы.

² Ахмад Шах Масуд – полевой командир так называемого Северного Альянса, убитый агентами Талибана в 2001 году.

гизы на этом фоне контрастируют так же, как менеджеры Майкрософта в Редмонде с бомжами на Пайк Плейс. Сегодня предстоит ещё одна ночевка в пещере Аю Таш¹, как ее называют киргизы, так как якобы когда-то давным-давно в ней жили медведи...»

– Эй, Алтынчач?

Она оторвала голову от тетради и посмотрела в сторону входа в пещеру. Барлас, не проронивший ни слова с тех пор, как он стремглав выбежал из той мазанки с интернетом, напряженно, но уже без страха смотрел на неё. Закрыв тетрадь и отложив ручку, она повернулась к нему.

– Да?

– Спать надо скоро... Баяндир говорит, что завтра холодно будет. Ты в порядке?

Было очевидно, что он пытается завязать разговор, но беспокоит его совсем другое. Он нервно теребил камчу в руках и совершенно без надобности всё время поправлял малахай на голове.

– Да, всё нормально. Холодно, говоришь? Надо будет ещё один свитер надеть...

Она стала рыться в своем рюкзаке, пытаясь найти этот свитер. Барлас, потоптавшись на месте несколько секунд, в очередной раз поправил свой головной убор и сказал:

– Ну, я пойду, коней стреножу...

Развернувшись, он пошел было ко входу, но вдруг резко развернулся и быстро спросил, будто бы боясь, что храбрость разузнать то, что надо, вот-вот покинет его:

– Алтынчач, а что, Джонни живет в этой штуке, которая делает фотографии?

Брианна, совершенно не ожидая такого поворота событий, едва сдержалась, чтобы не расхохотаться на всю пещеру. Сделав паузу, она восстановила самообладание и как можно строже ответила:

– Конечно.

Барлас нахмурился и почесал лоб.

– Всё время там живет, и ты с ним только вот так и общаешься, как в доме у того таджика?

Она изо всех сил напряглась, чтобы не улыбнуться, и молча кивнула, потом добавила:

– Иногда он оттуда выходит ко мне, но так ему там больше нравится.

– Оми! – воскликнул Барлас, покачав головой, и пошел к лошадям.

Найдя наконец-то свитер, Брианна приложила его к лицу, чтобы никто не слышал, и долго тряслась в беззвучном смехе.

Перед сном она вышла наружу справить нужду и подышать свежим воздухом без примеси запаха потных конских тел и тлеющего кизяка. Яки недовольно пробурчали, почуяв ее; купленная соль в больших мешках лежала аккуратно сложенной недалеко от них. Брианна взобралась на ближайšie валуны и зябко поежилась. Баяндир был прав – начинало холодать не на шутку. Присев на край большого черного камня, она посмотрела наверх. Глядя в небо, было совсем нетрудно понять, почему Памир называли Крышей Мира – сегодня облаков не было, небо было чистым и казалось, что вся Вселенная удалена от этой пещеры на расстояние не большее, чем высота знаменитой Спэйс Ниддл² в Сиэтле. Звезды сияли так ярко и гипнотизирующе, что на мгновение она забыла про холод. Млечный Путь сверкал массивным полукругом, и она вспомнила, что у всех кочевников есть легенды, связанные с ним. Киргизы считали, что это солома, которую куда-то тащит небесный путник, щедро ее при этом рассыпая. Она замороженно смотрела на созвездия, на блестящие вспышки падающих звезд, и думала, что здесь, в почти что арктических условиях высокогорья,

¹ Аю Таш – Медвежий Камень (кирг.).

² Спэйс Ниддл (Space Needle, Космическая Игла на английском) – архитектурное сооружение в Сиэтле, одно из самых высоких строений к западу от Миссисипи, 184 метра.

где клан Баяндира ведет непрерывную борьбу с силами природы за физическое выживание, красота ночного неба лишь то немногое, что может скрашивать жизнь этих неприхотливых номадов.

* * *

Три месяца жизни в памирских горах закалили ее вполне серьезно. Она привыкла к холоду и ветрам, к резко пахнущим кисломолочным продуктам, бараньему мясу и жиру, почти полному отсутствию овощей, а тем более фруктов, к постоянной езде верхом, к неприветливому норову яков, к перекочевкам по высокогорью, к грязному белью и невозможности принять душ, и даже к вою волков, который больше не вселял в нее дикого ужаса, хотя и заставлял настораживаться. Ее киргизский улучшился, и она стала понимать почти всё, что ей говорили. Толстая тетрадь была исписана на две трети, и она не могла нарадоваться, что случайно захватила с собой несколько авторучек из самолета, в двух из которых уже закончились чернила. План большой книги о кочевых тюркских народностях уже четко вырисовывался в ее воображении, перенасыщенном впечатлениями от погружения в эту кочевую жизнь, едва тронутую прогрессом.

Изменился и Барлас, по-прежнему помогающий ей во всем. Он перестал быть замкнутым и молчаливым, и, бывало, они болтали часами, скитаясь по окрестным горам, выполняя поручения Баяндира или просто прогуливаясь верхом. Барлас стал очень внимательным к Брианне и иногда ей казалось, что он выполняет поручение хана присматривать за ней чересчур ретиво. Она посмеивалась про себя, не придавая этому большого значения.

За два дня до ее отъезда обратно в Кыргызстан в кочевье приехали два пуштуна с двумя тяжело нагруженными лошадьми. Барлас объяснил Брианне, что приезжают они обычно два-три раза в год и привозят что-нибудь, чтобы обменять на баранов или лошадей, а самое главное – они привозят лук, единственный овощ, который киргизы потребляли в пищу на более-менее регулярной основе. Торговцев звали одинаково, но поскольку один из них был пожилым с белой бородой, а второй возраста Барласа с бородой черной, то прозвали их Ак Мухаммед и Кара Мухаммед.

Пуштуны с большим почтением поприветствовали Баяндира и его приближенных, расстелили яркий коврик у его юрты и стали раскладывать привезенные товары. Лук в мешках отдельно лежал в сторонке; он не требовал расхваливаний и презентаций, его купят обязательно. Глядя на них, Брианна вспомнила рассказы своего техасского деда. В далеком детстве, когда она каждое лето приезжала к нему на ранчо недалеко от Эль Пасо, за вечерней стопкой виски дед часто рассказывал про времена на фронтире, когда соседство с кочевыми команчами заставляло быть готовым ко всему в любое время суток. Сам дед застал тот период, будучи совсем ребенком, но вот его дед, которого звали, как и мужа Брианны, Джонни, человек как раз и заложивший это ранчо, повидал немало в те времена. По слухам, он и деньги на ранчо заработал, будучи команчero – так называли торговцев, что имели храбрость брать на себя огромный риск ездить с товарами вглубь владений команчей. Джонни, по рассказам деда, был в этом смысле уникальным человеком – во всем Техасе он был единственным англоговорящим команчero. Все остальные были мексиканцами. Ездить торговать в кочевье Баяндира для этих двух Мухаммедов, судя по всему, тоже было занятием рискованным, о чем красноречиво свидетельствовал автомат Калашникова, грозно торчащий из-за спины младшего из них.

В этот день было теплее, чем обычно, и даже ветер, казалось, слегка ослабил свое ледяное дыхание. Туч не было, и вся долина вдоль речки была залита ярким горным солнцем. Пока все были заняты торговлей с пуштунами, Брианна решила доскакать до ближайшего ледника, огромным грязно-голубым языком сползавшим в до-

линку с другого от кочевья конца. Барлас охотно согласился ее сопровождать.

Они рысью помчались вдоль реки, постепенно переходя на более спокойную поступь. Барлас был улыбчив. У Брианны тоже было хорошее настроение.

– А что, эти пуштуны из продуктов только лук привозят? – спросила она, повернувшись к нему.

– Бывает, что не только лук, – ответил Барлас.

– Что же ещё?

Он прокашлялся и стал говорить чуть тише, будто бы рассказывая тайну.

– В той юрте, где ты живешь, у Асхата с Разией, у них дочка есть, старшая. Ее Айгерим зовут.

– Ну конечно, знаю.

– Ну вот, Кара Мухаммед глаз на нее положил, нравится она ему очень. В прошлый раз он ей яблоки привозил. Такие вот, как лук по размеру, только красноватые. Говорят, они сладкие, как санза¹.

Брианна удивленно посмотрела на него – жизнь среди этих кочевников не переставала ее изумлять.

– Ты что, ни разу не ел яблок? – спросила она с недоумением.

– Нет, не ел. Но я видел, как их ела Айгерим.

Отчего-то это рассмешило ее, и она громко рассмеялась. Он бросил на нее слегка озадаченный взгляд.

– Ничего, вот пошлет тебя хан в Америку, мы тебе много разных яблок дадим попробовать. А что же Айгерим?

– Айгерим маленькая ещё, сама ничего не решает. Но вот отец ее что-то не очень горит желанием дочь замуж за пуштуна выдать, хотя тот уже хороший калым обещал...

Брианна понимающе покивала. За время пребывания на Памире она стала лучше разбираться в хитросплетениях взаимоотношений между населяющими его народностями. Отношения эти были полны предрассудков и условностей, совершенно невысказанных для ее родного Сиэтла.

– Понятно... Ну да ладно. А про яблоки не забудем! Я на следующей неделе с мистером Солсбери буду встречаться, если он к вам соберется опять, я с ним обязательно парочку пришлю специально для тебя.

– Как на следующей неделе? – Барлас непонимающе нахмурился.

– Ну, как? Я же послезавтра уезжаю. Дорога долгая, только на следующей неделе и смогу с ним встретиться.

– Как уезжаешь?

Печать недоумения на его лице быстро сменилась смятением и беспомощностью. Он остановил свою лошадь, не отрывая взгляда от Брианны. Та развернулась к нему и, пожав плечами, сказала:

– Я у вас долго гостила. Пора мне домой. Меня Джонни ждет...

Они доехали до ледника, и Брианна сделала несколько фотографий. Всю дорогу обратно Барлас не проронил ни слова. Нахмуренные брови на его лице странно сдвигали его напряженный шрам к центру, делая его лицо ещё более печальным.

Вечером, когда она разбирала свои вещи, заранее готовясь к долгой дороге, в дверь юрты постучали. Пришедший Барлас попросил ее ненадолго выйти.

Небо вновь было полным звезд. Из рта шел густой пар. Где-то далеко, на склоне у реки, ржали кони. Барлас был оживлен, казалось, от прежней угрюмости не осталось и следа.

– Кара Мухаммед Айгерим опять кое-что привез, – сказал он, заговорщицки улыбаясь.

¹ Санза – мучное кондитерское блюдо.

– Что же?

– Называется апельсин. Круглый, как лук. Отлично пахнет.

С мгновение они молча смотрели друг на друга. Не зная, что сказать, Брианна неловко вставила:

– Ну, я надеюсь, всё у них теперь хорошо будет.

Барлас внимательно посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

– Теперь всё будет хорошо.

Он кивнул ей и быстро пошел в сторону реки. Брианна пожала плечами и вернулась в юрту.

* * *

Утром приехали те самые проводники из Узгена, которые помогали им добраться до кочевья, чтобы на следующий день отправится с Брианной и Мухтаром обратно в Кыргызстан. Брианна встретила их у реки и поприветствовала на киргизском, вызвав у тех улыбки умиления. Была первая неделя декабря, и с лохматых морд яков и лошадей по утрам свисали ледяные гроздья маленьких сосулек, которые она не уставала фотографировать. Мухтар что-то обсудил с проводниками и сказал ей, что Баяндир планирует той¹ сегодня вечером.

– Джигиты уже отправились на охоту, хотят добыть архара.

День не был насыщен событиями. Много из своих вещей она оставила Разие и ее дочкам, чем несказанно их обрадовала, аккуратно собрав остальное в рюкзаки. Асхату она дала такие же перчатки, что были подарены хану при встрече, которые сразу же были спрятаны Разией в большой кованый сундук, на который было водружено немыслимое количество ярких одеял. В каждой юрте, даже самой небогатой, обязательно было много одеял, сложенных высокой стопкой, и Брианна никак не могла понять, зачем их столько, предполагая, что, наверное, эти одеяла и их количество – своего рода фактор статуса у киргизов, такой же, как и количество баранов и лошадей. После обеда она долго общалась с Айгерим, пытаясь объяснить ей, что такое океан. Сделать это было совсем непросто, поскольку ничего, больше ледниковой речушки, на берегах которой стояла ее юрта, она, как и все киргизы в кочевье, не видела. Разговаривая с ней, Брианна поняла, что и деревьев та тоже никогда не видела, и поэтому концепция леса также требовала детальных объяснений.

Едва начали сгущаться сумерки, как громко залаяли собаки. Джигиты возвращались с охоты. Брианна вышла из юрты и увидела несколько всадников с вьючной лошадью, быстро приближавшихся с ближайшего склона. Впереди скакал младший брат Баяндира, Муртаза; поравнявшись с Брианной, он осадил своего коня и показал камчой на вьючную лошадь позади. К ее спине был приторочен крупный архар серебристого цвета с большими спиральными рогами, кончик одного из которых был обломан. С одной стороны его шкура была окровавлена; открытые застывшие глаза казались сделанными из стекла.

– Барлас подстрелил, – сказал он и пришпорил своего вороного.

Джигиты проехали мимо. Барлас, ехавший сзади и державший на поводу вьючную лошадь, бросил на нее странный, как будто бы оценивающий взгляд, но ничего не сказал.

Через пару часов архара освежевали и Разия с другими женщинами стали готовить незамысловатое блюдо – печень порубили на небольшие кубики, которые обжаривали в подкожный жир архара, щедро посыпали солью и черным перцем и насаживали на металлические шампуры. Барлас с джигитами развел огонь у юрты Баяндира и жарил эти шашлыки на открытом пламени. Брианна с интересом наблюдала за процессом, отмечая про себя ту изобретательность, с которой киргизы не

¹ Той – пир (кирг.).

давали ветру сдувать жар пламени, но не надеясь на какую-либо гастрономическую изысканность этого блюда.

Вскоре, сидя в юрте Баяндира на почетном месте, она трапезничала с ханом и его приближенными – шашлыки эти со свежим луком оказались просто восхитительным блюдом. Хан долго и пространно говорил о том, как он рад был принять в своем кочевье сначала мистера Солсбери, а теперь вот и ее, и что это только начало их сотрудничества, которое, вне всякого сомнения, будет чрезвычайно полезно как его клану, так и американцам. Брианна уважительно кивала, вставляя иногда короткие «макул» и «тура», изредка прося Мухтара, сидящего рядом, уточнить, правильно ли она поняла тот или иной оборот. Ей постоянно подливали кумыса, заботливо следя за тем, чтобы большая кесушка всегда была наполнена. Спустя час Брианна поблагодарила хана и всех присутствующих и сказала, что ей надо бы ещё собраться перед завтрашней дорогой. Ещё полчаса были потрачены на прощальные речи, а когда они с Мухтаром вышли из ханской юрты, стало уже совсем темно и даже угли на жаровне, где Барлас с помощниками жарил мясо, перестали искриться под порывами ветра.

– Ну ладно, до завтра, – сказала она Мухтару, – пойду собираться, ещё с Разией надо кое-что обсудить.

– Давай, – ответил он, – только Разии и Асхата и их дочери Айгерим пока в юрте нет, они будут скоро с ханом обсуждать сватовство. Кара Мухаммед, молодой пуштун-торговец, очень настойчив. Говорит, любовь у него. Но обсуждать, скорее всего, будут размер калыма.

Она с любопытством посмотрела на Мухтара и покачала головой. Тот усмехнулся и, махнув ей рукой, пошел к своей юрте. Вернувшись к себе, Брианна действительно не застала никого кроме малыша, мирно похрапывающего под ворохом одеял. Керосинка была включенной; она стала в очередной раз перебирать свой скарб, стараясь вспомнить, всё ли она положила, куда нужно.

Послышался тихий стук в дверь юрты. Она открыла дверь. На пороге стоял Барлас. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Брианна была уже готова что-нибудь сказать, как он схватил ее, сильным и ловким движением закрыл ей рот мускулистой ладонью, вытянул наружу и повалил на землю перед входом. Несколько секунд потребовалось, чтобы затолкать ей кляп и завязать вокруг головы обрез яркой ткани с одеяла. Ещё немного, и ее руки тоже были связаны. Он с легкостью взвалил ее на плечо и торопливо куда-то понес. Она пыталась кричать и вырваться, но кляп был настолько плотно засунут ей в рот, что трудно было даже дышать. Барлас, казалось, даже не замечал ее резких дерганий и извиваний. Послышалось тихое ржание, и Брианна почувствовала, что оказалась верхом. Прежде чем она отчетливо поняла это, он удивительно быстро связал ей ноги, пропустив веревку по животу лошади, свободным концом привязав ее к седлу за талию. Она отчаянно вцепилась в лошадиную гриву, понимая, что теперь ей не вырваться.

– Чу!

Он повел лошадь с Брианной, продолжающей скулить сквозь заткнутый рот, обратно к юрте. Сквозь прорезь ткани на глазах она увидела, как он привязал лошадь и быстро забежал в юрту Асхата и Разии, выскочив из нее буквально через несколько секунд с ее рюкзаками. А ещё через минуту они верхом припустили легкой рысью в сторону ближайшего ущелья. Над долиной сияла огромная полная луна, и Брианна вспомнила, как ее дед в Техасе рассказывал много лет назад, что такие полнолуния называли на Диком Западе «Луной команчей», потому что те предпочитали совершать набеги в полнолуние. Барлас, похоже, при свете луны ориентировался не хуже, чем днем, и расстояние между ними и кочевьем быстро нарастало. «Вот вляпалась!», – беспомощно подумала Брианна, чувствуя, как от холода и быстрой езды у ней начинают коченеть уши. Скоро и пальцы, которыми она вцепилась в гриву коня, почти полностью онемели.

Барлас покругил немного после того, как долина осталась за плечами, чтобы запутать следы, и уже без петель и дуг уверенно взял на восток. Они ехали всю ночь, сделав лишь две короткие остановки, на которых он дал лошадям напиться, надел на нее шапку и выдал ей ее перчатки из рюкзака. Когда начался восход, Брианна поняла, что ее бедра опять безнадежно натерлись от многочасовой езды. К полудню они выехали к небольшому горному озерцу. Барлас развязал ее, выпустил лошадей пастись и вытащил из своего курджуна нарезанное мясо и боорсоки. Они быстро поели.

– Куда мы едем? – осторожно спросила Брианна, боясь услышать что-нибудь ужасное.

– На Алтай, – ответил он.

– Почему на Алтай?

Он протянул ей кружку с кумысом, но она отказалась, покачав головой.

– Каныкей-апа рассказывала, что все киргизы пришли с Алтая, и когда они жили там, они были золотоволосыми и сероглазыми.

Брианна внимательно смотрела на него, силясь понять ход его мыслей. Он прожевал мясо и допил кумыс из кружки, вновь наполнив ее из небольшого бурдюка.

– У нас тоже будут дети с золотыми волосами, как у тебя, Алтынчач. Теперь ты будешь моей. Калым твоим родителям позже пошлем.

Брианна потеряла дар речи. Мысли в ее голове метались, как испуганные кошки, остервенело прыгая туда-сюда, не давая возможности чётко осознать, что стоило бы сказать в этой ситуации.

– А как же твое кочевье? Как же Баяндир хан?

– Туда нам уже не вернуться. Если меня поймут, Баяндир прикажет меня убить.

– А как же твои родители и родственники?

– Ничего с ними не будет. Обеднеют на дюжину баранов, да и всё.

– А как же я? Я ведь замужем! У меня есть муж, Джонни! Он ждет меня в Ситле!

Барлас допил кумыс из кружки и, выплеснув несколько последних капель себе под ноги, засунул ее обратно в курджун. Потом встал и, не торопясь, вытащил из кармана своего чепкена айфон Брианны.

– Аллах велик. Сегодня ночью я убил Джонни. Теперь между нами никого нет.

Он передал ей айфон. Стекло на сером матовом дисплее было разбито; сквозь корпус во всю ширь зияла большая дыра от мощного удара чем-то острым. Брианна смотрела на него, с ужасом понимая, что произошло. Слезы, капавшие из ее серых, воспаленных глаз, стекали тонкими струйками по корпусу айфона, проваливаясь в эту дыру.

– Пора ехать, – невозмутимо сказал Барлас, поправив свой малахай.

Она посмотрела на горизонт. Бесконечная гряда гор со снежными вершинами уходила вдаль. Над озерцом величаво кружил большой беркут. Резкими порывами налетал обжигающий ветер. Брианна натянула шапку на самые уши и смахнула слезы с глаз. Невдалеке тихо ржали лошади, казавшиеся крошечными на фоне огромного ледника, сползавшего в озеро.

Примечание.

В Ваханском коридоре Афганистана действительно кочует небольшое количество киргизов (около тысячи человек), но данная история является чистым вымыслом, любое совпадение имен, фамилий и названий населенных пунктов – абсолютная случайность.